
ИНДУЛЬГЕНЦИЮ
НЕ ЖДАЛИ?
ЮЛИЯ СНЕЖКОВА

Юлия Снежкова

Индульгенцию не ждали?

https://litres.ru/74933618
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда тебе поручают дело с клеймом «безнадёжно», а в папке не хватает полутора тысяч документов, остаётся одно — бегать по земле с блокнотиком и собирать сплетни. Вежливый? Громко пел? Был добр к животным? Отлично, берём! Главное — успеть до суда, пока херувим-оппонент не сосчитал все грехи на калькуляторе. Адская бюрократия, паспортный стол, банда диких чертенят и ведьма Светлана уже в пути.

Ироническое фэнтези с элементами бюрократической пародии и городской сказки.

Содержание

Глава 1.Дела адской бюрократии 4
Глава 2. Путь к истине будет долгим 17
Глава 3. По тому адресу 31
Глава 4. Где этот дом 45
Глава 5. Дело принципа 59
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Юлия Снежкова
Индульгенцию не ждали?

Глава 1.Дела адской бюрократии

— Марьян Давыдовна, я не хочу! — конючил молодой чёрт в коричневом пиджаке и джинсах. Пиджак, как и чёрная водолазка под ним, местами был подпалён и изрядно заштопан. Временами даже нитками не в цвет. А что поделаешь — работа с огнём и адскими безднами.

Марьян Давыдовна — женщина в столь боевой раскраске, что могла бы скрыть и возраст, и даже, возможно, истинный пол — смотрела на чёрта со спокойной безысходностью. Она таких за смену видит не один десяток, а уж за всю карьеру в одной — насмотрелась не на одно чистилище.

Молодой чёрт попытался состроить жалобные глаза, но Марьян Давыдовна начала хмурить брови. А от этого движения начала трескаться возведённая нелёгким трудом штукатурка на лбу. И под той же — вырываться адское свечение.

Чёрт икнул и на всякий случай сделал шаг назад. Марьян Давыдовна осталась стоять непоколебимой, как айсберг перед «Титаником». Всё ещё сжимая в руке тонкую розовую папку на новоприбывшего.

Чёрт для порядка закатил глаза и цепанул бумаги. Про-

глядел, страдальчески вздохнул.

— Так это мне потом ещё после суда протокол писать надо будет?

Возмущённая интонация на почётного работника Адской канцелярии произвела ещё меньше эффекта.

— А может, я это… Ну, без суда возьмём?

Марьян Давыдовна сложила губы уточкой, причмокнула и наконец соблаговолила заговорить:

— Патасий, мне твои выверты в обход инструкции вообще никак. Особенно к концу квартала. Ты мне ещё в прошлом веке отчёт по еретикам за август 1565 не сдал. Молчу уж про напоминания об участии в общественной жизни коллектива. Твоя очередь стенгазету рисовать была ещё в прошлом мае. А где квартальный план по искушениям?

Чёрт сделал вид, что разглядывает увешанные фотографиями котиков стены. Что тут ещё сделать, если про квартальный план по искушениям он забыл напрочь, а отчёт вроде как оставил в какой-то то ли испанской, то ли итальянской таверне.

Марьян Давыдовна для острастки шлёпнула ладонью по деревянной столешнице, что отделяла посетителей от основного помещения Адской канцелярии, и уже менее злобно произнесла:

— Короче, Патасий, метнись кабанчиком на суд. Там всё равно, судя по документам, наш. Клейма ставить некуда. Сделаешь всё красиво — так и быть, сроки по квартальному

сдвину.

— На вечность? — приподнял правую бровь чёрт.

— На неделю, — припечатала его сотрудница канцелярии. — Но отчёт всё равно жду. Ведомость без него не сойдётся.

Патасий взвесил в руках розовую папку, словно примеряясь к тяжести грехов, перечисленных в ней, и кивнул. Марьян Давыдовна изобразила на лице вялое удовольствие и мгновенно отвернулась, застучав кнопками механической пищащей машинки.

Пользуясь мгновением свободы, чёрт стащил из стоящей тут же стеклянной мисочки ледянец-конфетку и поспешил удалиться. Уже за дверями он наконец разглядел штемпель на одной из верхних бумаг.

«Вот ведь ведьма старая, — пронеслось у него в голове. — Скинула на меня работу племянничка».

Думать дальше столь близко от канцелярии он опасался. Марьян Давыдовна, судя по слухам, имела не только острый взгляд, но и парочку иных удивительных способностей. Поэтому бережёного… короче, Патасий решил, что на сытый желудок думается всё лучше.

На суд он всё равно опоздал. И даже не потому, что в столовой пришлось дожидаться буфетчицы. А по собственной инициативе. Оказавшись на земле, а в командировки его отпускали не столь уж и часто, не смог он отказать себе в удовольствии и посетить ближайшее казино. Уж очень ему нра-

вилось незримо стоять рядом с этими сверкающими машинками и незаметно от встревоженных посетителей подкручивать ячейки на табло. Один взмах пальцем — и стой, наблюдай, как утекает надежда из глаз смотрящего. Красота! Любо-дорого смотреть! Тем более что всё бесплатно!

Поэтому когда он, козырнув временным удостоверением перед охранником на входе, побежал искать зал заседаний номер 213Б, часы на входе показывали 12.15. То есть суд уже вовсю не только шёл, но и пробегал мимо.

Патасию, как истинному чёрту, разумеется, не было жалко клиента. Жалко ему было себя, которому ещё придумывать первую часть протокола. А вдруг Марьян Давыдовна не поверит? И тогда реально надо будет садиться ещё и за квартальный план.

От этих мыслей разыгрался приступ язвы, и рот наполнился горькой слюной. Потыкавшись в три-четыре закрытые двери, наконец он решился подойти к моющей пол уборщице.

— Извините, зал 213Б?

— Между 213А и 213В, че непонятного, — отжимающая тряпку в ведро женщина даже не соизволила поднять головы, и теперь Патасий разговаривал с чёрным крабиком, стягивающим плохо сделанное мелирование.

Чёрт выдохнул, набрался ангельского терпения и ещё раз как можно более вежливо поинтересовался:

— А зал 213Б всё-таки в какой стороне? Не подскажете?

Уборщица, опустив тряпку в серую воду, вздохнула, сдула прилипшую к щеке прядь и проговорила:

— Вообще-то я справок не даю.

Патасий от такого рода заявления пришёл в полный чертячий восторг. Им бы такие кадры да в то озеро с занудами-перфекционистами. Они бы у неё!

— А если в порядке исключения? — правая бровь чёрта полезла вверх.

— Для исключений надо ноги у входа вытирать. Для кого там тряпка положена. Направо вам, потом ещё раз, потом спросите.

Посчитав разговор завершённым, она принялась наводить круги в чёрном ведре, оставив Патасия совсем уж в восторге.

Чёрт повертел головой и, обнаружив, что нужно право находится буквально под носом, нырнул за арку и ускорился. Через пять минут он стоял перед высокой деревянной дверью. Номер на ней гласил, что искомый зал обнаружен.

Патасий расправил плечи, повнушительнее прижал к себе розовую папку с бумагами. А потом, оценив своё глубокое одиночество в коридоре, бесстыдно припал ухом к замочной скважине. Замки тут оказались надёжными, и расслышать, что происходило внутри, всё никак не выходило.

Поэтому, снова вернув себе вид важный и глубоко профессиональный, он отбил пальцами замысловатый ритм и ринулся в зал заседания.

Внутри только его и ждали. Патасий понял это по разо-

чарованному вздоху, который издал сидевший за столом ангел-защитник. Краснощёкий и круглолицый, с классическими херувимскими завитушками, уложенными по случаю заседания гелем. Явно допущенный к судебным делам из соединителей двух любящих душ.

«Блин», — разочарованно подумал Патасий.

Энергичное сияние ангела ему не понравилось с порога. Но делать нечего: Марьяне Давыдовне да и Высшему суду не отказывают.

Их Светящество, кстати, на опоздание чёрта никак вообще не отреагировало. Поток белого огня, уходящий в потолок прямо из чёрной мантии, ни качнулся ни на миллиметр.

Патасий прошлёпал на своё место. Второй стол, стоявший прямо напротив ангельского, был пуст. Между столами на стуле сидел он — виновник их сегодняшней встречи. Поколенческий Т. Д., 47 лет от роду.

Это всё, что Патасий почерпнул из изучения бумаг, когда ехал на заседание. Точнее, пока не отвлёкся на разглядывание ярмарки, которую проезжал автобус.

Виновник был хмур и сер. И в целом находился в вялом анабиозе — в целом вполне законном состоянии для только что упокоившихся. Жизнь земная осталась позади, её не исправить, а что делать в новом посмертии — пока непонятно.

Молоденькая стенографистка, разместившаяся по правую руку от судейской кафедры, подняла взгляд на Их Светящество, явно ожидая сигнала.

— Начинаем, — пророкотал бас из потока огня.

Стенографистка принялась отстукивать что-то на печатной машинке, прикусывая нижнюю губу. Патасий подумал, что она, если не перестанет её жевать при общей губной худосочности, вскорости может остаться вообще без места нанесения помады, но вновь зазвучавший голос Светящества отвёл его от размышлений.

— Слушается дело гражданина Поколенческого Т. Д., 47 лет от роду, почившего.

Поколенческий на последнюю фразу отреагировал слабым мотанием головы.

— В судебное заседание явились. Представьтесь, пожалуйста. Сторона адского обвинения…

Патасий несколько замешкался и только, почувствовав на себе взгляд стенографистки, резко вскочил со стула, едва его не опрокинув.

— Представитель адского обвинения, во иже пламени и ярости его. Чёрт Патасий, временно допущенный к судебным делам, четырнадцатый ранг с половинкой.

Стенографистка посмотрела на него таким оценивающим взглядом, что рогатый готов был вот прямо сейчас сгореть в страшном пламени. Ну да, пятьсот лет от роду. Но не идёт у него служба. Это сейчас все молодые да ранние: семьдесят лет — и глядишь, уже новый аксельбант к десятому или пуще того восьмому рангу примеряют. А он никуда не спешит…

— Допущен к процессу, — пророкотало Светящество. — Сторона небесной защиты.

— Представитель небесной защиты, воинства имени Его и во братии, херувим Игнатий, — пропел вставший со стула ангел. — Ранг двенадцатый имею я.

Ни одна прядка не покочнулась на его причёске. А уж гладко отутюженный синий пиджак нагнал на Патасия совсем мрачное настроение.

— Допущен к процессу, — согласилось Светящество. — Ходатайства, просьбы перед началом ознакомления с материалами дела будут?

Херувим просиял и поднял руку, как первоклассник. Патасий закатил глаза. Стенографистка принялась щёлкать клавишами.

— У стороны защиты есть предложение… В смысле ходатайство! — привставая со стула, отозвался Игнатий. И сразу весь как-то зарумянился.

— Огласите, — произнёс судья.

— Сторона защиты не видит препятствий к упрощённому порядку выбора… кхм, места пребывания. Сторона защиты изучила дело.

Патасий скосил глаза на пухлый том, покоящийся на столе оппонента, и с облегчением вздохнул. Упрощённый порядок — это отлично. Значит, дома он будет ещё к обеду. Никаких тебе препирательств, никакой демагогии. Высокий суд просто шлёпнет печать на приговоре в одну строчку, кото-

рый потом почтой зашлют сторонам. Красота. Патасий приосанился, ожидая, что Игнатий заберёт душу упокоенного в райские кущи. Ну и отлично, а то у них в аду в последнее время место не лучше, чем в метро в час пик.

— Сторона защиты полагает, что с учётом всех прегрешений, совершённых на жизненном пути упокоившегося, ему ничего не остаётся, как претерпеть адские муки.

«Чего???» — чуть было не вырвалось у Патасия.

Этот крылатый пупс сейчас на него работу скидывает? Это ему сейчас переть этого Поколенческого через весь город, потом бланки на него заполнять, потом наряд сдавать? Ну уж нет — на такой исход Патасий не подписывался. Он, можно сказать, себе жизнь до вечера распланировал. И в неё ну никак не входило стояние в адских очередях с серым покойником.

— Позиция адского обвинения, — произнесло Светящество, направив белый огонь в сторону чёрта.

Патасий вскочил со стула. Тот жалобно скрипнул.

— Возражаю.

— По каким основаниям? — спросило Светящество.

— По это… Всем. По закону и совести. Каждый имеет право на справедливый суд!

— Позвольте, Ваше Светящество… — с почтением глядя на судью, произнёс Игнатий. — Кодексом прямо сказано, что если чаша чёрных дел столь довлеет над чашей с пером добродетели, то решение Суда должно апеллировать к исправ-

лению. А стало быть, дорога сему чаду во геену огненну. Тем более что Верермихский собор в рамках уложения «О влечениях и моральных ориентирах» ещё в 1473 году однозначно высказался…

Светящество подняло руку. Вполне человеческую, мужскую, с коротко остриженными ногтями, и Игнатий замолк.

— Высокий суд находит заслуживающим внимания позицию адского обвинения и его апеллирование к категории справедливости. Посему дело будет рассмотрено в общем порядке.

Хлобыстнул молоток. Стенографистка продолжала выбивать космический ритм из бедной машинки. Патасий внутренне ликовал, глядя на грустнеющего херувима. Ну, а что? Пусть их крылячество тоже пострадает. Не одному же Патасию футбол пропускать.

— Итак, материалы дела зачитает статс-поверенный Огнев. Макарий Спиридонович, будьте так добры, огласите.

Взмахом руки Их Светящество пригласило к развёрнутой лицом к чёрту и ангелу кафедре человека.

Из левого угла показался седовласый мужчина в чёрном костюме. Развернув перед собой пухлый том, он, откашлявшись, принялся монотонно вещать:

— Докладывается жизненный путь упокоившегося ныне Поколенческого Т. Д., 47 лет от роду, во имя принятия Высшим судом решения о дальнейшем месте пребывания усопшего с учётом дел его добрых, пороков или зломудрий… По-

коленческий Т. Д. родился ранним вечером двадцать первого февраля тысяча девятьсот семьдесят…

Макарий Спиридонович был отменным чтецом. На десятой минуте Патасий решил, что голосом Макария Спиридоновича можно было гипнотизировать. На двадцать пятой минуте — что этим голосом нужно пытать.

Стул под чёртом, как назло, был скрипуч и противен. Он чувствовал каждое движение задней части Патасия, воспринимая это как личное оскорбление и разрождаясь мерзким звуком при любой попытке занять мало-мальски удобное положение. Поэтому Патасию ничего не оставалось, как вполуха слушать бубнёж Макария Спиридоновича о дошкольных годах почившего, а самому держать правую сторону тела почти на весу, изредка поглядывая, что там творится в рядах небесного воинства, восседавшего за противоположным столом.

Потускневший Игнатий слушал излагаемый текст внимательно, делая карандашные отметки на листах пухлого тома. А уж после завершения истории о том, как почивший закинул любимую игрушку одногруппнице по детскому саду на крышу веранды, вообще, кажется, навострил уши, принявшись с удвоенным вниманием перелистывать страницы.

Макарию Спиридоновичу шелест бумаги не мешал никак. Кажется, что даже звуки Армагеддона не могли заставить этого человека отвлечься от чтения жизнеописания Поколенческого.

Патасий же следил за тем, что делал херувим. Тот, высунув кончик языка, что-то ожесточённо считал на большом чёрном калькуляторе. Чёрт в целях придания важности порылся в кармане, извлёк из недр пиджака и свой. Нажал на две кнопки, но никакой реакции от техники не получил. Конечно, механизм для подсчёта пороков и добрых дел был разряжен лет сто пятьдесят, не меньше. А дойти до цеха починки Патасию мешала сначала собственная лень, а потом изобретение человечеством спутниковых каналов.

За противоположным столом шла какая-то нешуточная бухгалтерская работа. Игнатий от прикладываемых умственных усилий аж вспотел, что в целом для херувима было несвойственно. Но застывшая прямо посреди лба капля была вполне себе видимым исключением.

Патасий ликовал. С одной стороны, он помешал этому зазнайке легко отделаться, а теперь вообще на крылатого свалилась какая-то непомерная задачка. Следующая мысль не понравилась уже Патасию. А именно: сравнив пухлый том, разлёгшийся перед небесным защитником, и столь же внушительную по габаритам книгу, которую держал стоявший за кафедрой Макарий Спиридонович, чёрт покосился на свою розовую хилую папку. Что-то не сходилось критически.

Чёрт ещё раз перелистал доставшиеся ему листы. Нумерация говорила, что пропало минимум полторы тысячи документов. Ну Марьян Давыдовна, ну чертовка, хитра… Всё,

что изначально Патасий принял за желание демонессы сбагрить мелкую, но неприятную работку со своего племянника на худосочные плечи чёрта, теперь обрело черты поистине макиавеллиевского размаха. Служебный подлог! Не меньше! Канцелярия или же племяш Давыдовны посеяли где-то почти всё личное дело почившего, а теперь за это будет отвечать он — Патасий? Нет, не на такое он не подписывался, хоть и его отпечаток копыта на листе стоит.

Но он всё будет отрицать до последнего! А лучше добьётся, чтоб этого вот… как его… Поколенческого прибрали к себе райские кущи. А потом по-тихому сдаст папочку в архив! Точно, идеальный план!

Глава 2. Путь к истине будет долгим

Так надо только сосредоточиться и вспомнить, чего ему там на курсах юр искусства рассказывали? Блин, зазывала же Марьян Давыдовна в прошлом веке на повышение квалификации. Так и знал, что надо было соглашаться, а он путёвку в санаторий взял, дурень. А там только грязевые ванны и ни одной суккубицы. И зарядка в шесть тридцать утра. И молоко с пенкой. Бррр… Патасий понял, что отвлёкся, а Макарий Спиридонович уже почти подобрался к первому классу, куда юный Поколенческий навострил свои мальчишеские стопы.

— И тогда, плюнув с балкона на лысину выходящего из подъезда гражданина Капатова С.В., отправился с друзьями в парк. Предварительно прихватив сдачу от батона, которую по договорённости с родственницей по материнской линии обязан был сдать под отчёт…

Патасий скрепел мозгами, изредка поглядывая на склонившегося над бумагами оппонента. Уж этот небесный щёголь точно бы сейчас выудил из своих божественных познаний какой-нибудь прецедент…

— Ваше Светящество, у меня… в смысле стороны адского обвинения — вскричал чёрт, подрываясь со стула.

Чтец замолк, даже стенографистка отвлеклась от ритмич-

ного выстукивания, уперев в Патасия взгляд серых глаз.

— Замечание стороне адского обвинения! — пророкотало Светящество, приподнимая молоток.

— Ваше Светящество… — заискивающе проговорил Патасий, выбирая самые подхалимские интонации.

— Замечание не снимается, — басило Светящество. — Прошу занести в протокол!

Стенографистка тут же застрекотала клавишами.

— Чего там у вас? — устало проговорил судья, возвращая молоток на место.

Патасий, глянув на смиренно сереющего посреди зала почившего, выдал пулемётной очередью:

— А чего это мы с вами только на бумажках зациклились? Бумага — она же, как написано в… Короче, написано. Она всё стерпит. А тут перед нами — он кивком указал на вперившего бессмысленный взгляд в пол Поколенческого — целая судьба человека. Так надо с ним по… Я про факты. Отзывы реальных людей там, свидетелей.

Огонь Светящества на секунду блеснул чуть ярче. Судья явно раздумывал над эмоциональной речью чёрта.

— Сторона адского обвинения ходатайствует о предоставлении времени на подготовку дополнительных материалов?

— Ага, именно.

Через ещё одну секунду судебного раздумия молоток грохнул по столу, а Светящество пробасило:

— Ходатайство удовлетворяется частично. Дополнитель-

ные материалы ограничены ранними годами Поколенческого. Принимаются к изучению материалы и свидетельства не старше его четырнадцати лет.

— Вот и славненько. Человеческие детёныши — те ещё ангелочки. Сейчас пройдёмся по фактуре — умиляющиеся бабушки, наглаженные кошечки, мамина радость — внутренне возликовал Патасий.

Зашумели, загрохотали стулья. Их Светящество каким-то одномоментным рывком удалилось в совещательную комнатку, что была отмечена небольшой неприметной дверью. Макарий Спиридонович захлопнул пухлый том и с достоинством удалился в свой угол. Стенографистка, достав из кармана складное зеркальце, принялась изучать свои веснушки.

Ангел и чёрт вышли в коридор.

Погружённый в размышления о том, с чего бы начать, Патасий сам не заметил, как поравнялся с Игнатием у кофейного аппарата. Ангел излучал непоколебимый оптимизм, от чего чёрту снова захотелось приложить крылатого папочкой.

Но донёсшийся до него аромат свежего кофе — на удивление даже пристойный для бюджетного учреждения — изменил его планы.

Взяв картонный стаканчик, Игнатий сделал шаг назад, уступая ему место. Прежде чем приступить к выбору напитка, Патасий ловким движением склонился и провёл рукой по полу. Бинго. Вытащив несколько завалившихся под аппарат монеток, он под чуть осуждающим взглядом херувима

запихнул их в прорезь и нажал кнопку с адски-чёрным кофе. Не пристало ещё светить перед всякими крылатыми своё тайное увлечение тропическим латте. Пусть думает, что вся адская братия мощна и энергична.

— И чего ты так за этого приставившегося бьёшься? — обхватывая стаканчик покрепче, спросил херувим.

Патасий, так и оставшись стоять вполоборота, не удостоил Игнатия взглядом.

— А чего нет?

— Ты вообще его дело читал? Там клейма ставить негде! Вот вообще!

— Если бы я его дело читал, то меня бы тут и не было, — мысленно парировал Патасий, но вслух произнёс: — Просматривал. Очень занят был, готовился уже в дороге…

Херувим всё не унимался:

— Если бы читал, то понял, что вот все твои старания просто напрасны. Геена огненная по нему плачет.

— Стонет, — поправил его Патасий.

— Чего?

— При недостатке грешников она стонать начинает. Глухо так, жалобно. Но при мне недостачи не было, хорошо горят, сейчас ровно. А про её утихания мне только старшие товарищи говорили. Последняя заминка вышла на пару лет после Потопа.

— Ого, — вскинул брови Игнатий.

— Ага. И вообще, кто тут небесная защита?

Не дожидаясь ответа, Патасий цепанул стаканчик с горячим кофе и направился к выходу.

Выкинув половину недопитого кофе в ближайшую мусорку — не любил чёрт никогда слишком крепкие напитки, — он огляделся по сторонам. Прохожие двигались по летней улице по своим прохожим делам, и никто не обращал внимания на чёрта.

«Безлимитный интернет и короткие видео — лучшая разработка научного отдела. Не зря премию в конце прошлой десятилетки получили», — подумал Патасий и раскрыл розовую папочку.

Быстро пробежав глазами по указанным там адресам, первой целью визита он выбрал булочную рядом с домом Поколенческого. Туда по малолетству упокоившийся заходил почти каждый день. Может, повезёт, и там его ещё кто-то да помнит.

Повезло. Ну относительно.

— Конечно, как этого шалопая забыть. Каждый раз, как придёт, то либо все горбушки у батона понадкусывает, то ценники поменяет, то ромовую бабу только завязавшему Василичу предложит, — ворчала седовласая продавщица в глубокой рабочей форме и фартуке с крылышками.

Патасий выдохнул. Под опоры надёжного плана явно заложили фунт тротила. Может быть, даже с изюмом.

— Тамара Пална, ну нам для газеты… Некролог всё-таки. Там плохое нельзя, — чёрт растянулся в подобострастной

улыбке.

Продавщица подняла взгляд вверх, словно проводя ревизию в хранилище памяти.

— Ну это… Он всегда здоровался.

— Отлично! — вскричал Патасий. — Значит, вежливый, приличный.

— С приличным я бы не спешила. Он из пончиков знаете какую фигуру выкладывал? — свесившись через прилавок, Тамара Пална перешла на доверительный шёпоток.

Патасий выставил ладонь вперёд:

— Не продолжайте. Я понял. Про приличного тогда не будем. Просто вежливый.

Женщина энергично кивнула, подтверждая его слова.

— Хорошо. А можете тогда мне короткую расписку написать?

— Это ещё зачем? — нахмурилась продавщица.

Патасий пошевелил носом:

— Ну это у нас такой некролог. Нестандартный. Будет сделан из записей людей, помнящих почившего…

Женщина положила ладонь на грудь, отчего крылышки на фартуке немного примялись.

— Это ж у бедняги вообще получается никого не было, раз аж меня опрашивать пришли?

Патасий видел, как в уголках её светлых глаз блеснули слёзы. Отлично, главное не перегнуть с драматизмом!

— Он просто очень тепло всю жизнь отзывался о вашей

булочной! — выуживая из кармана джинсов ручку и маленький чёрный блокнот, проговорил чёрт.

Всхлипывая и стараясь не закапать бумагу слезами, продавщица вывела на небольшом клочке фразу.

«Очень вежливый был». Число, подпись.

Крохотная слезинка всё же припечатала уголок блокнота, что сделало запись достоверно-печальной.

— Благодарю вас! — вскричал Патасий. — И мне два пончика, пожалуйста… Нет, три!

Слизывая розовую глазурь с кругляша, чёрт вышел из булочной под палящее солнце. Оглядел пустынную улицу, заросшую высокими тополями. Так, друзей по песочнице оставим про запас… А то вспомнят ещё, как от Поколенческого по голове лопаткой получали. Кто тут у нас ещё из уверенных в себе бюджетников остался? Таааак… Детский сад и городская больница.

Патасий взглянул на часы на руке. Время подходило к обеду. Закинув в рот остатки начавшего плавиться от жары пончика, чёрт развернулся и, перейдя дорогу в неположенном месте, двинулся в сторону утопающего в зелени двухэтажного здания.

— Про детей так, конечно, говорить не принято. Но злой он был. Вот прям искренне недобрый, — поправлявшая крохотные стулья в столовой рассказывала дородная женщина с причудливыми кудряшками.

Патасий следовал за ней тенью, сжимая в одной руке пакет

с пончиками, а в другой блокнот.

— Он как из «Звёздочки» выпустился, мы аж все вздохнули, — оперевшись на стул с нарисованным на сиденье гусёнком, она посмотрела на чёрта снизу вверх. — Мы его даже потом в пример ставили. Что не балуйся, а то вырастешь, как этот Поколенческий.

— Значит, ходил в лидерах мнений, — воскликнул Патасий, уже раз восемь пожалевший, что сюда заглянул.

Воспитательница нахмурилась и распрямилась.

— Не понимаю, о чём вы. Дисциплина у него была на нуле. Стабильно раз в неделю всю группу подговаривал на какие-то гадости… Но…

— Что но? — прищурившись, спросил чёрт.

— Пел вот хорошо. Точнее, как хорошо. Громко. Но от души, — тут она махнула рукой. — Но чаще всего какую-то пахабщину. И где только набрался — приличная же семья.

— Значит, любознательный! — Патасий махнул рукой с блокнотом, и тот в полёте раскрылся.

Воспитательница поджала губы. В этот момент справа распахнулась дверь, в проём заглянула совсем молоденькая девушка в зелёном свитере и джинсах:

— Марь Дмитриевна, можно первую группу на обед усаживать? А то они у меня после прогулки страсть какие голодные.

Воспитательница кивнула ей, а сама повернулась к Патасию:

— Извините, молодой человек, но ничем я вам, к сожалению, помочь не могу. Правду писать в таких случаях не принято, а откровенную ложь — не поднимается ни рука, ни карандаш.

— Марь Дмитриевна, ну хотя бы что-нибудь. Одну строчечку, — заканючил Патасий.

В коридоре, судя по возникшему гвалту, уже бушевал детский океан из криков, споров и визгов. Марья Дмитриевна на секунду обернулась, затем вздохнула и быстренько записала короткую фразу в протянутом ей блокноте.

— Извините, у нас обед.

— Понимаю, не мешаю.

Только оставив группу сорванцов лет пяти позади и оказавшись под слепящим солнышком на улице, Патасий наконец смог разобрать строчку, что написала воспитательница. На небольшом листке бумаги в клетку значилось короткое, но ёмкое:

«В детском саду пел».

— Так, если сейчас в больнице напишут про здоровые лёгкие, то я умываю копыта, — пробормотал Патасий себе под нос, направляясь к разрисованной в яркие цвета калитке.

Сказал он это скорее для порядка. Понятно, что Марьян Давыдовна никому копыта умыть не даст. А если надо будет, то и хвост в нужном направлении подкрутит.

Взобравшись на четвёртый этаж без лифта, Патасий уже сам собирался просить медицинской помощи. Лифт в луч-

ших летних традициях ушёл на ремонт, а начавшая выцветать табличка, что сообщала об этом, свидетельствовала, что сделал он это минимум лет десять назад.

— Мне бы Игоря Прокопьевича увидеть, — обратился он к пробегающей медсестре.

Молоденькая девушка в марлевой повязке указала ему кабинет в дальнем конце коридора, у которого столпилась внушительная очередь.

Суетливые пенсионерки, крейсером пробивающие себе дорогу, держали за руку болтающихся позади внучат; молодые мамочки со смиренным безразличием изучали плакат о пользе мытья рук.

Патасий было сунулся с заготовленным «мне только спросить», но, поймав на себе пару взглядов особо неприветливых бабушек, лишь проблеял:

— Кто крайний?

— Вона там, за женщиной в синем платье, спрашивайте, — отозвалась властная старуха, кивнув на другой конец очереди.

Патасий, уворачиваясь от пробегающих мимо детишек, двинулся в указанную сторону.

— За мной будете, — проговорила худенькая женщина в синем платье. И даже подвинулась, освобождая место на обитой коричневым дермантином лавке.

— Спасибо, — пробормотал Патасий и сам от себя поморщился. Но на лавку присел.

— Миша, не бегай так быстро! — крикнула незнакомка пролетевшему мимо стрелой темноволосому сорванцу лет семи. Миша, увлечённый погоней за товарищем, кажется, её не услышал.

— А вы тут тоже для лагеря, да? — поинтересовалась женщина.

— Нет. Для некролога, — буркнул Патасий, прикидывая, сколько времени пройдёт, прежде чем он окажется внутри кабинета.

— Ой.

— Да, вот собираем буквально по зёрнышку воспоминания о почившем.

— А он из нашего района выходит… был? — в голосе её прорезались нотки тревоги.

Патасий кивнул:

— Да. В детстве тут проживал.

— А не скажете кто это? Ну, если не секрет конечно… Я просто тут тоже с самого детства.

Чёрт окинул её оценивающим взглядом, пытаясь определить возраст. Незнакомка была явно моложе Поколенческого. Ну и ещё до жути миленькой.

— Поколенческий Т.Д. Вам о чём-нибудь говорит? — Патасий приподнял бровь, что, по его расчётам, придавало ему больше шарма. По крайней мере, эта уловка всегда срабатывала с работницами столовой в споре за лишний стакан компота.

— Говорит, — пискнула незнакомка. — Но не мне. Это знакомый моего брата старшего… Блин, такой молодой… А что случилось?

— Инфаркт или инсульт, — Патасий попытался было вспомнить, чем закончилось содержимое его папочки. Но не смог.

— Кошмар какой. Миша, просила же, не бегай! — проводив этим наставлением пронёсшегося в другую сторону паренька, она обернулась к Патасию. — Просто кошмар.

— Ага.

— Вот так живёшь-живёшь…

— А вы не вспомните, ваш брат вообще о покойном какого мнения был? — прервал её чёрт.

Незнакомка пожала плечами, покусывая накрашенные губы:

— Ну… это вообще-то негативного. Вечно на него сердился. Кажется, даже дрались пару раз.

Патасий сжал посильнее блокнот, сдерживая рвущийся изнутри крик нарастающей ярости. Ну Марьям Давыдовна, ну ехидна адская, удружила. Сама уже поди закрыла свой ларёк и спокойно пошла вдоль адского речного пекла прогуливаться? А ему тут сиди, отделяй зёрна от плевел… Выискивай, так сказать, тайный клад!

— И вот брат говорил, что этот Поколенческий вечно у других детей игрушки прятал, — не обращая внимания на погружённого в свои размышления чёрта, продолжала рас-

сказывать женщина. — То в песке закопает, то на крышу гаража закинет.

— Да, высоту он любил, — протянул Патасий задумчиво.

— Постоянно других детей задирал, особенно тех, кто слабее. Или девочек. Но мам у него очень вкусные ватрушки пекла. А потом всю детвору во дворе ими и угощала. Поэтому с ним и общались. Миша! — привстав, она с ловкостью циркача схватила несущегося мимо мальчика. — Сколько раз…

— И что, прям ни капли хорошего? — разочарованно спросил Патасий. — Ну… кроме ватрушек.

Достав из маленькой коричневой сумочки носовой платок, женщина принялась энергично водить им по лицу брыкающегося Миши.

— Почему же. Он вроде читать любил. В библиотеку районную был записан. Да и дома у него всякие журналы про самолёты и корабли были. Только брат говорил, что он ими никогда не делился. Миша, да стой ты нормально!

Стоило женщине ослабить хватку, как мальчик, словно запущенное ядро, улетел в противоположный угол коридора. Не рассчитав силу, он влетел прямо в угол, схватился за плечо и громко захныкал.

— Извините. Сколько раз я тебе говорила, — приподнимаясь со скамьи, сказала она.

— Да ничего, ничего, вы мне очень помогли, — вставая следом, отозвался Патасий.

Победно оглядев ни на человека не уменьшившуюся очередь, он быстро засеменил к лестнице. Уж где-где, а в районной библиотеке их в это время года точно не наблюдается. А раз его подопечный — отчего-то это слово само пришло на ум и как-то прилипло к Поколенческому — был постоянным её посетителем, то значит, знают его там хорошо.

— Только бы он там пожар не устраивал, — непонятно кому взмолился чёрт, перебегая дорогу.

Всё оказалось гораздо хуже.

— Поколенческий? Конечно, помню! Он нам сто семнадцать изданий должен вернуть. Хотите внести штраф за просрочку? — поинтересовалась из-под очков худощавая женщина с морщинистым лицом.

Глава 3. По тому адресу

— Сколько? — устало уточнил Патасий.

Когда библиотекарша достала из выдвижного ящика калькулятор, черта накрыл приступ колики. Патасий поморщился и клятвенно уверил себя, что больше не согласится на задание без изучения всех тонкостей. И ведомственного бюджета на непредвиденные расходы.

— Вот столько, — закончив с расчётами, она повернула к нему ряд цифр.

Патасий посмотрел. Потом ещё раз посмотрел. Не найдя запятой в приличествующем ей быть месте, пригляделся ещё внимательнее. Подняв взгляд от цифр к работнице, осведомился:

— Вы уверены?

— Конечно, молодой человек. Я же эту формулу и разрабатывала, — приосанившись, заявила она. — Смотрите: количество книг множим на количество дней просрочки. С пятнадцатого дня начинает применяться районный коэффициент, далее запас ноль три по изношенности…

— Чего?

— Ну предполагается, — библиотекарша перешла явно к своей любимой части рассказа, — что все эти дни книга не у вас на полке валяется. А используется. Ну, читается.

— А… И что, вот это всё, — Патасий обвёл руками сто-

ящие позади библиотекарши шкафы, заполненные разношёрстными томами, — на вот это всё. И из этого вот это?

— Ага, — удовлетворённо пробормотала она.

— Какой же ад, — протянул чёрт.

Библиотекарша убрала калькулятор, поджала губы и сухо произнесла:

— Штраф оплачивать будете?

Чёрт натянуто улыбнулся.

— Нет, я ещё похожу, посмотрю.

— Ну-ну, — женщина вернулась к заполнению какого-то формуляра.

Патасий двинулся к выходу. С висящего на правой стене портрета на черта хмуро посмотрел какой-то литературный классик. Патасий на всякий случай поприветствовал его кивком и ускорился.

— И за все часы терзаний я узнал, что он вежливый и петь любит, — хлюпая мятным отваром в расписной чашке, жаловался чёрт. — Света, ну как с такими работать, а?

Ведьма, одетая в розовый махровый халат и пушистые тапочки, прислонившись спиной к кухонному шкафчику, многозначительно промолчала.

— А мне теперь что? Вот чего? Забрать этого Поколенческого и посыпать голову пеплом? Пепел мне Марьян Давыдовна из моего же хвоста обеспечит, — причитал чёрт, зачерпывая клубничное варенье из стеклянной мисочки.

Вот что-что, а успокаивать Светлана умела — от много-

численных плошечек, крыночек и баночек на столе разбегались глаза. Хоть и ведьма.

— И как вот быть-то? — медленно слизывая с кончика чайной ложечки варенье, рассуждал вслух Патасий. — Вот реально же. Человек. Субъект. Душа, если в небесном понимании. А реально же — ни клейма, ни даже совести. Вот кто ему мешал в детском садике хоть с кем-то подружиться? Ну или во дворе оставить о себе несколько приятных воспоминаний? Вот кто?

— Совсем ты в своём болоте засиделся, Патас, — разглядывая черта, проговорила Светлана.

— Но, но, ты давай не это самое… Не адохульствуй. И моё болото болотом не называй. Там вообще-то довольно сухо. Я бы даже сказал, припекает. Местами.

Ведьма махнула рукой, прерывая рассказ Патасия об адских реалиях.

— Я к тому, что ты совсем от людей отвык. Вот ты когда последний раз на поверхность вылезал?

— Дай-ка вспомнить, — прищурился чёрт. — Паровых телег ещё точно не было. Коней помню, луки помню, мужики такие ещё в смешных юбочках.

— Ну точно по описанию какая-нибудь Спарта, — ведьма поковыряла голубые обои в весёленький цветочек и уставилась на Патасия так, словно он экстрасенс.

— Всё равно не понимаю, — честно признался чёрт.

— Люди изменились, Патас. Как и время. И если раньше,

так сказать, на заре человечества, чёрное было чёрным, а белое — единственным правильным, то сейчас не так.

Чёрт помешал ложечкой в кружке.

— Мрак.

— Новые горизонты, — парировала Светлана, сложив руки на груди.

Патасий помолчал, переваривая полученные вводные.

— И что мне с ними делать?

— Как что? Работать? Использовать себе во благо, начальству на улучшение отчётности.

Чёрт, достав из кармана свой блокнот, зашелестел бумагой.

— То есть ты предлагаешь мне к тому, что он вежливый, ещё приписку сделать, что и добрый.

Светлана замахала руками.

— И за подделку доказательств от Вашего Светячества получить? Патас, ну ты же чёрт. А вы какие-то там вроде родственники мухлежу приходитесь.

Патасий непонимающе посмотрел на ведьму.

— Да что ты во мне дырки просверливаешь. Я тебе прямым текстом говорю. Смотри шире, раздвигай горизонты, — ведьма в попытке показать, насколько надо эти горизонты раздвинуть, размахнулась так, что в верхнем ящичке пронзительно задребезжала посуда.

С него сверху показалась матерчатая куколка не больше десяти сантиметров роста и, злобно взглянув на Патасия, по-

грозила ему кулаком.

— Фрося твоя всё ещё никак ко мне не привыкнет? — спросил он, когда домовушка юркнула в своё убежище в углу.

— Ага, считает, что твоя кормёжка нас по миру пустит.

Патасий ещё раз оглядел царившее на столе великолепие.

— А ты?

— Я считаю, что это инвестиции.

— Ну спасибо, — согласился чёрт со столь деловым подходом и, подцепив пальцами пышущую паром ватрушку, отправил её в рот. — Вернёмся к нашим баранам. В смысле проблемам.

— Проблемы у тебя. Точнее одна. Что ты слишком буквально читаешь закон. На этом твоей херувим тебя и подловит. Масштабнее надо… Вверх над ситуацией.

Патасий глянул на требующий побелки потолок и призадумался.

— По сути, я пошёл самым проторённым путём. В места, где часто ребёнок бывает.

— Таак, — просияла ведьма. — К людям, которые его должны любить по долгу службы и должностной инструкции. А надо?

— Надо туда, где от души… Только вот куда?

— И только ли к людям? — подмигнула ему ведьма.

Чёрт машинально сделал глоток мятного отвара.

— Донченко, ты гений! Надо ж было сразу шлёпать к до-

мовому. Тому по природе домашние его нравиться должны. Он мне такую характеристику на Поколенческого напишет — херувим ему свои крылья отсегнёт, чтобы тот до райских кущ своим ходом… Таак, осталось просто найти его адрес проживания.

Чёрт ухнул на стол розовую папку и принялся рыться в бумагах. Через пару секунд горестно посмотрел на ведьму и пробормотал:

— Всё есть. Вот вообще всё: соседи, план квартиры, поэтажный план и даже опись погремушек. Адреса нету.

Светлана склонилась над заполонившими стол документами. Пару минут молча и очень придирчиво изучала каждый из них, а затем выдала вердикт:

— Патасий, ты попал.

— Это чего? — чёрт аж захлопал ресницами от перемены настроения женщины.

— Потому что в наш паспортный стол даже я захожу лишь после трёх защитных заклинаний и оберега от сглаза такого размера, что все думают, будто у меня муж — цыганский барон. Тебе там точно хана.

— Света, — жалобно протянул чёрт и сразу как-то сник.

Ведьма хмыкнула, развернулась и, открыв створки верхнего ящика, принялась что-то энергично внутри выискивать. Из угла слышался недовольный писк куклы-домовушки.

— Да куда я её подевала, — гремя стаканами, ворчала ведьма.

— Кого?

— Карту твоего пропуска к секретным данным, — отозвалась она, выкидывая на пол мешочек с травами.

Мешочек, приземлившись на коричневый в большую клетку линолеум, ухнул, что-то неразборчиво букрнул и попытался было уползти к выходу. Но ведьма пресекла попытку к бегству, ловко подхватив егозу за верх и снова упихнув в недра шкафа.

Второй рукой она достала с верхней полки коробку конфет и положила её перед Патасием.

— Ох, пустодумка! Мотает, ровно перед мором гуляет, всё добро по ветру пустила, — донеслось с верхнего шкафчика.

Светлана развернулась и погрозила кулаком в угол.

— По миру пойдём! По миру! — свесившись, пропищала домовушка, а затем шустро юркнула в угол.

Патасий изучал синюю коробку с изображёнными на ней двумя лебедями.

— Это что?

Ведьма звучно выдохнула.

— Кто тебя вообще из ада выпустил без инструкции, Патас?

— Марьян Дмитриевна…

Светлана опустилась на табуретку рядом с чертом и, заглядывая ему в глаза, медленно произнесла:

— Идёшь сейчас в паспортный стол. Излагаешь суть

просьбы с тем же взглядом, которым на меня сейчас смотришь. Можешь даже для убедительности слезу пустить. Потом протягиваешь конфеты. Снова жалобно смотришь. Понял?

Чёрт утвердительно кивнул.

— Вот и славненько.

Патасий было потянулся к гладкой упаковке, но ведьма опередила его, положив руку. Сквозь просветы между её пальцев лебеди смотрели на него с каким-то нескрываемым ехидством.

И чёрт тут же понял, что ничего хорошего ждать ему не стоит.

— Может, как-нибудь иначе? — протянул он. — Ну без стола?

Ведьма покачала головой. Как на зло, в голову черта не приходило тоже ничего умного. Конечно, придёт тут, если целый день провёл на двух пончиках. Он сглотнул слюну, припоминая зливное с картофельным пюре, что значилось сегодня в меню адской столовой. И вопросительно посмотрел на ведьму. Та расценила его взгляд по-деловому правильно.

— Должен будешь, — улыбнулась Светлана.

— Должен буду, — с грустью подтвердил он.

Ведьма, сославшись на какие-то свои важные магические дела, тут же вытурила его за порог. Даже не дала допить мятного чая.

Патасий, сжимая под мышкой розовую папку и упаковку с конфетами, потрусил в сторону метро. Там, согласно путаным и сбивчивым объяснениям Светланы, он пройдёт через перекрёсток и обнаружит белое здание. В нём на третьем этаже должен был размещаться паспортный стол.

Табличка на белой двери с надписью «Паспортный стол» и правда нашлась на третьем этаже. Только под ней размещалась ещё одна. Куда более загадочная — «Справок не даём!» Ниже ещё — «Без пропуска не входить!»

Патасий погасил в себе желание достать ручку и приписать, что убьёт, а ознакомившись с висевшим тут же графиком работы учреждения, решительно крутанул круглую ручку.

В длинном коридоре с раскиданными друг напротив друга четырьмя дверями было неожиданно пусто. На чёрной железной лавке разве что лежала оставленная кем-то газета. А ещё было тихо. Очень тихо. Такое в разгар рабочего дня, да в бюджетном учреждении… Вариантов было два — либо все в отпусках, либо на планёрке у руководителя.

Лишь гул лопастей вентилятора, работающего в одном из кабинетов справа, говорил о том, что тут всё-таки есть.

Через секунду догадка Патасия подтвердилась. Мимо него проплыла статная дама на таких несусветно высоких каблуках, что черту пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть застывше-брезгливое выражение лица чиновницы. Впрочем, она никак не отреагировала на посетителя, не удостоив его

взглядом. Словно Патасий был либо бесплотным духом, либо приевшейся мебелью. Дама, грациозно цокая, скрылась в крайнем правом кабинете. Патасий поспешил за ней.

— Здравствуйте! — отрапортовал он с энтузиазмом.

Дама разбирала разложенные на столе документы и на приветствие никак не отреагировала. Даже не подняла головы.

— Добрый день, — повторил Патасий чуть менее уверенно. — Я бы хотел…

— Справок не даём, — пробормотала дама, не отрываясь от бумаг.

— Но мне только адрес узнать.

Ответом на его просьбу был шелест бумаг. Дама продолжала внимательно изучать какие-то графики.

«Время тяжёлой артиллерии», — решил Патасий и достал припрятанную под полой пиджака коробку конфет. Деликатно, стараясь не задеть ни одного листочка, положил перед дамой. Та всё ещё блуждала взглядом по цифрам и столбикам, хмурилась, явно производя одни ей понятные вычисления.

Патасий легонько толкнул коробку по направлению к ней. Легонько не вышло, и скользкая плёнка, моментально вступив в контакт с гладкой поверхностью стола, разметав всё на своём пути, оказалась перед лицом женщины. Листочек с графиком лебедем вспорхнул и спланировал куда-то поближе к шпилькам.

— Это что? — проговорила она.

Патасий хотел было улыбнуться.

Женщина медленно, слишком медленно для выражения радости, повернула голову и посмотрела на черта.

— Это что такое? — произнесла она.

По интонации и играющим желвакам Патасий понял, что дело принимает скверный оборот. Грубо говоря — пора валить. И очень правильно, поскольку если бы он не выскочил секундой раньше из кабинета, острый угол коробки припечатал бы его прямо в лоб. Снаряд был запущен с таким лихим профессионализмом, будто в прошлой жизни дама в рядах амазонок только и занималась тем, что пуляла ядра и неугодных в разные цели и пропасти.

Размышления о былых временах не помешали черту перехватить коробку в полёте и теперь выставить её словно щит.

Дама в два шага оказалась у порога и со всей силы захлопнула дверь. Перед этим выдав две фразы:

— Взяток не беру! Справок не даю!

Ошарашенный Патасий остался один на один с коридорной тишиной. Но ненадолго. Буквально через мгновение острый чертячий слух уловил тихий смешок. Тот доносился из самого дальнего кабинета. Патасий было глянул, кто там смеётся. Но мешал угол обзора.

Чёрт почесал нос, весельчак отреагировал снова, захихикав. Патасий, взглянув на закрытую дверь, решил, что это знак, и двинулся в сторону звука.

В конце коридора оказался точно такой же кабинет. Бук-

вально брат-близнец того, где заседала метательница. Посередине деревянный стол, из-за которого виднелся чёрный офисный стул. Шкаф для бумаг посмотрел на черта пустыми полками. Пара бумажных грамот на стене напротив да чахлый фикус на подоконнике. И никого.

Патасий не поленился и заглянул под стол. Но там его встретили результаты лени уборщицы. Чёрт пожал плечами и вышел в коридор, на всякий случай оставив дверь приоткрытой. Из кабинета снова послышался сдавленный смех. Чёрт с адской скоростью просунул голову в дверь. Бинго!

Из стены на него смотрел наполовину высунувшийся призрак. Аккуратные бакенбарды, сюртук, тёмные штаны и мягкие туфли. Призрак вздрагивал, зажимая себе ладонью рот.

— Здрассьте… — сказал Патасий.

Призрак последний раз всхрюкнул от смеха, утёр глаза и с улыбкой посмотрел на черта. По виду это был мужчина лет шестидесяти.

— Ох, как ты Зайчиху! Ох, славно! Не смеялся я так с тех пор, когда рабочие в архиве карточки с фамилиями в обратном порядке разложили.

— Рад порадовать, — пробормотал Патасий. — Эээ… А кто такая Зайчиха?

— Ну как. Та дама, которой ты конфеты совал. А она их в метательный снаряд обратила. Зайцева О. А., старший специалист нашего уважаемого заведения.

Произнося последние слова, призрак с какой-то почти

отеческой любовью провёл ладонью по стене.

— И всегда она у вас такая?

— Да не. Тут просто на тебе звёзды сошлись. Она сейчас одна на отдел да ещё на диету присела. Вот и проснулись в ней задатки громовержца. Это хорошо, что твои сласти в коробке. Намедни тут один проситель полчаса кремовые розочки из волос выковыривал. Так что, считай, повезло.

Патасий покрепче прижал к себе коробку с конфетами.

— А тебе собственно чего?

— Мне бы адрес…

Отринув былое веселье, призрак спланировал вниз и уселся за стол. Свёл кустистые брови, но явно скорее для порядка, чем устрашения.

— Это для каких целей тебе адрес?

— Мне… — замялся Патасий, вытаскивая розовую папку. — Найти адрес первого места жительства Поколенческого Т. Д.

— А ты ему кто? Знакомый аль родственник? — выпытывал призрак с прищуром, оглядывая дырявый пиджак Патасия.

— Ну я это… Нет.

— Ну раз нет, тогда и адреса нет. Кому ни попадя мы такие сведения не даём.

— Мне по делу!

— Которому? Мож, ты шутник или вообще злодеяние какое учудить думал? А потом, как сыскари поймают, а у тебя

в кармане бумажечка с нашим штемпелем? А? А?

Патасий глубоко выдохнул, пытаясь сохранить самообладание. Почему который раз за день хотелось поднять рога к небу, вскричать «да какой же ад!» и вернуться в свою родную гиену огненную? Неужели даже стояние на том свете одной ногой не в силах выбить бюрократию из человека? Всё время-то они держатся за инструкцию? Ладно, сыграем по правилам.

— Я вообще-то не, как вы выразились, какой-то там злодей с улицы. У меня и документ есть. Я Представитель адского обвинения во иже пламени и ярости его. Чёрт Патасий, временно допущенный к судебным делам, четырнадцатый ранг с половинкой.

Поискав по карманам, Патасий вынул на свет несколько потрёпанное удостоверение в красной обложке. Потрёпанность его объяснялась тем, что оно было этаким переходящим знаменем всех временных сотрудников, что привлекали к проектной работе. Вот и сейчас, раскрыв его, чернила сначала с полсекунды подумали, а потом нарисовали имя Патасия рядом с должностью.

Призрак внимательно изучил документ, зачем-то сравнив имя Патасия с его лицом — фотокарточки в нём всё равно не было.

Глава 4. Где этот дом

После продолжительного вдумчивого исследования призрак всё же решил, что Патасий похож на своё имя в удостоверении, и степенно изрёк:

— Хорошо. Заявление ваше будет удовлетворено. Приходите в следующем августе. Ко второму растущему месяцу справочку как раз и сообразим.

Чёрт захлопал глазами, внутренне закипая:

— Мне не к августу. Мне ещё вчера! Суд у меня! В смысле у Поколенческого! Хватит тут разводить… Где старший? Где инструкции со сроками сдачи? Да я… Да я жалобу напишу!

Призрак обвёл взглядом пустые полки. Потом умиротворяюще выставил обе руки вперёд. Сквозь призрачный камзол Патасий разглядел грамоту за безупречную работу.

— Ладно, ладно. Чего сразу жалобу? Будет вам справочка… Только это мне бы для ускорения…

Призрак покосился на коробку, которую всё ещё сжимал чёрт. Конфеты при полном молчании перекочевалина стол.

— Вот и хорошо, вот и славненько. Поколенческий, говоришь? — задумчиво пробормотал призрак, шаря в кармане.

— Ага, — кивнул Патасий. — Т. Д., 47 лет от роду.

Призрак ещё пару мгновений что-то поискал в правом кармане брюк, а затем вытащил и грохнул на стол перед просителем небольшую бумажку. Патасий схватил её и раз-

вернул. Затем глянул на призрака и расплылся в довольной улыбке:

— Благодарю.

Призрак усмехнулся:

— И тебе благодарствую. Особливо за сласти. Я теперь Зайчихе покажу, как сроки срывать да просителей без продыху гонять за новыми документами. Уж я ей! — он погрозил кулаком в сторону кабинета чиновницы.

— Мужчина, а чего это вы тут делаете? — женский голос раздался за спиной у Патасия так внезапно, что чёрт аж подпрыгнул.

Мигом сунув заветную бумажку в левый карман пиджака, Патасий вытянулся по стойке смирно:

— Эээ… ничего. Выход ищу.

Правая бровь Зайцевой поползла вверх:

— Он в другой стороне. Сюда посетителям нельзя.

— Всё, понял, понял. Ухожу, — пробормотал чёрт и, протиснувшись мимо чиновницы, зашагал по коридору. Напоследок он оглянулся и хмыкнул.

Так и оставшаяся стоять в проходе Зайцева с трепетом оглядывала кабинет. А затем, коротко пробормотав себе что-то под нос, с силой захлопнула дверь. Из закрытой комнаты до Патасия донёсся уже знакомый смешок.

Постояв на крыльце архива, он немного подумал и двинулся к переходу. Часы на стене почтамта показывали начало четвёртого. Небольшая очередь собралась у одного-един-

ственного работающего окошка.

Послюнявив грифель карандаша, Патасий вывел большими буквами: «М. Д.! Задерживаюсь, дело оказалось сложнее». И, чуток подумав, приписал: «Трезвый».

— Мужчина, вам куда? — спросила работница в форменной синей футболке, когда Патасий протянул открытку в круглую прорезь окна.

— В смысле?

— Ну сколько марок клеить. Адрес нужен.

— А… Это в Кукуево, а/я 13.

— Без индекса?

Патасий утвердительно мотнул головой:

— Без. И так сойдёт.

Женщина защёлкала кнопками на клавиатуре. Техника против такого адреса не возражала.

— С вас 215 рублей 50 копеек.

Чёрт пошарил по карманам и выложил на круглое блюдце мятую купюру и несколько мелких монет. Писать в ад — само по себе разорение.

Утряся рабочие формальности, Патасий устремился по полученному в столе адресу. Чёрту везло — искомый дом нашёлся через четыре квартала от метро. Оглядев уютно устроившуюся во дворах кирпичную пятиэтажку, он призадумался.

«Чёрт по своей природе домовому не враг, но вряд ли защитник человеческого жилища бросится с ним вот прямо

так разговаривать. Может, в целом и на порог не пустить, если всё же угрозу почует. Да и где его тут искать? — размышлял Патасий, разглядывая череду аккуратных балкончиков. — Не стучаться же к каждому с вопросом, домового не видели. Надо бы как-нибудь аккуратнее».

Аккуратнее не получилось: чёрт приложился со всей силы макушкой об какую-то слишком низко висящую трубу в подвале, когда разведывал местность. Но ругаться не стал, сдержался. Домовые, как и вся чёртова братия, к обесцененной лексике относились плохо, кривили нос.

Прислушался, но, кроме текущей по трубам воды, ничего слышно не было. Из полумрака к ноге Патасия вышел и грациозно присел чёрный кот. Чёрт почесал его за ухом и достал припасённый для таких случаев пакетик с влажным кормом.

Кошак внимательно изучил предложенный корм, потом, прищурившись, ещё раз оглядел Патасия. Но подношение принял. Чёрт было принюхался, но почувствовать домового в этом сочетании известки, ржавых труб и аммиака было решительно невозможно.

«Ладно, пошли дальше». Проскользнув за курьером в подъезд, где, по его прикидкам, должна была находиться дверь на чердак, Патасий огляделся. Очень и очень неплохо. Подоконники украшали живые цветы, ровно окрашенные стены так и вызывали у чёрта желание намалевать на них. Но он мысленно треснул себя по уху — он тут всё же по делу, а не в отпуске развлекается. Сам на себя обиделся,

грустно вздохнул и пошлёпал на самый верхний этаж. Лифта в подъезде не было.

Деревянная дверца легко приоткрылась. Ловкость лап и почти никакого мошенничества. Чистый взлом. Патасий чихнул от тут же налетевшей в нос пыли и зажмурился. Приоткрыл один глаз, затем второй. Всё пространство чердака было равномерно усыпано пылью и голубиными перьями. Будто кто-то встряхнул большую подушку, а она возьми и разорвись по шву. Но и следов присутствия домового тоже всё никак не обнаруживалось.

Патасий хотел было уйти, но прежде склонился, чтобы завязать шнурок на ботинке. И только с этого ракурса разглядел небольшую — всего в полметра высотой — неприметную дверь. Окрашена она была ровно в тот коричневый цвет, что и ближайшие стены, что делало её идеальным местом для тайного пристанища.

Логически поразмыслив, Патасий вежливо постучал.

— Да заходи, коль пришёл, — раздался весёлый мужской голос.

Чёрт толкнул дверь и улыбнулся.

Перед ним предстало небольшое помещение со скошенной крышей. Именно через причудливое полукруглое окно сюда поступал свет. Сейчас в его проём просовывалась часть трубы от золотистного самовара, что стоял на укрытом опрятной белой скатертью столике. Рядом на крохотном диванчике восседал, скорее всего, хозяин жилплощади. И тот,

на чьи поиски Патасий потратил последние минут сорок.

— Здрав будь, батюшка Домовой, — чёрт склонился в пояс.

— Здравствуй, — дед посмотрел на него с нескрываемой хитринкой. — Нашёл всё-таки.

Домовой был точь-в-точь как в сказочных описаниях. Крепкий улыбчивый мужичок с длинной бородой и косматой причёской. Рубаха, светлые хлопковые штаны. Только на ногах у него были не лапти, а мягкие синие тапочки.

Восседая на диване, он ласково поглаживал по боку играющий золотом на свету самовар. Рядом с ним на мягких подушках примостился чёрный кот. Тот самый, которого Патасий кормил в подвале.

— Я вас еле нашёл, — признался чёрт, попытавшись распрямиться. Но удар по затылку от внезапно возникшей на его пути балки заставил ойкнуть и потереть голову.

— И не нашёл бы. Ни в жизнь. Златке спасибо скажи. Это он меня убедил тебя на порог пустить. Я ему сметанки, а он всё по этим твоим пакетикам сохнет, — пробурчал домовой, но на кота посмотрел по-доброму, ласково. Златка в беседе участия не принимал, свернувшись в пушистый комок.

— Я к вам по делу.

— Да ты давай присаживайся, деловой. В ногах правды нет и не будет. Сейчас чаю попьём, а потом расскажешь. Меня, кстати, Макаром звать.

— Патасий, — представился чёрт и ещё раз поклонился.

Домовой одобрительно крякнул и указал ему на видневшуюся из-под стола табуретку.

— Помню, помню я ту семью, — отхлёбывая из чашки пахнущий травами чай, сказал Макар. — Хорошая семья.

Патасий аж заерзал на табуретке от предвкушения. Наконец-то хоть кто-то сказал про его подопечного доброе слово.

— Ну как хорошая. Мама хорошая, вежливая такая. Папа — строгий, но справедливый. Сестра старшая тоже девочка добрая, вежливая, слова плохого не скажет.

— А сам? А сам? Что вспомните? — чёрт подался вперёд и весь обратился в слух.

Домовой поджал губы и лишь со вздохом махнул рукой:

— Хулиган. Хулиган. Да пустомеля. Вечно других деток подговаривал на всякие гадости. А сам будто и не при делах. То посыпанную соль у подъезда раскидают, ну, чтоб люди по зиме падали, то цветы истопчут. Клавдия Ивановна ой как ругалась…

— Может, хоть что-то вспомните, — сложив в молитвенном жесте руки, чёрт посмотрел на Макара. Затем, смутившись, сунул ладони в карман.

Домовой задумчиво отпил глоточек из чашки:

— Одно в нём хорошее было.

Патасий замер.

— Что переехал отсюда, баламут такой…

— Макар, выручайте! — пробормотал чёрт. — Хоть что-то. Всё же он в некотором виде и лицо вашего дома.

Домовой вальяжно положил руку на стол:

— Не надо нам, так сказать, такой физиономии.

Патасий устало потёр виски. Златка повернулся на другой бок и засопел ещё довольнее. Макар, глядя на котика, улыбнулся, провёл ладонью по блестящей шёрстке:

— Вот животных никогда не обижал. Это да, — всё ещё поглаживая разомлевшего котика, проговорил домовой.

Чёрт почувствовал, как загорелись глаза. Вот же она — индульгенция и возможность не тащиться вечерним автобусом с душой подопечного аж до самой адской бездны. Он чуть поубавил пыл и спросил, пытаясь звучать как можно более нейтрально:

— А можете мне это на бумажке записать? Ну, чтоб по правилам.

Макар нахмурил лоб, отчего стал выглядеть ещё более домовитым:

— Ну раз по правилам, то давай.

Патасий ловким движением вырвал страничку из блокнота и вместе с карандашом лихо подсунул Макару.

Домовой выводил фразу «был добр к животным» минут пять. Сначала примеривался, потом многократно переворачивал листок, выбирая, как лучше: по горизонтали или вертикали. Затем приступил, собственно, к написанию. Буквы выводил медленно, с каким-то особым трепетом. Даже от усердия высунул кончик языка. Так старательные первоклашки пишут начисто в прописях.

Заполучив наконец в свои руки долгожданный листочек, Патасий резко встал. Снова приложившись затылком о низкий потолок, схватился за темечко:

— От всего… От всего сердца вам большое, моё спасибо! Вы меня буквально спасли!

— Да будет, — отмахнулся зардевшийся Макар.

Чёрт вышел из подъезда грудью вперёд, уже предвкушая, как положит неопровержимое доказательство на стол их Светяществу. А потом с уже подписанным приговором вернётся в родные пенаты. А там — уж держись, Марьян Давыдовна! Я вас с племянником по таким бюрократическим адским безднам затаскаю! Будешь знать, как на простого чёрта свои провалы сваливать! Поколенческий так и быть уйдёт пребывать в райские кущи, а он, Патасий, — в свой зенит славы, когда расскажет, что дело проиграно не по его, патасьевской, вине, а по вине вот этих, и этих, и этих…

Налетевший непонятно откуда порыв ветра буквально вырвал заветный клочок из пальцев Патасия. Тот замахал руками в попытке поймать драгоценный документ, но и стихия не думала сдаваться. С каким-то уж совсем противоестественным напором ветерок закружил листок и понёс, поволок, завертел. Патасий ринулся в погоню.

Чёрт в целом уже догадался, что происходит, и даже когда бумага исчезла из его поля зрения, лишь огляделся в поисках какого-нибудь излишне живописно расписанного граффити здания. И точно: притихшая трансформаторная будка

не только радовала глаз излишне яркими цветами, но и даже собрала вокруг себя целую гору мусора и пустых бутылок. Патасий напустил на себя максимально суровый вид и заглянул за угол.

Компания диких чертенят была на месте.

По прикидкам и только-только начавшим виться рожкам у самого старшего — совсем мелочь. Лет полсотни, не больше. Одеты даже в такую жару в чёрные худи и джинсы, они расселись на перевёрнутых коробках и о чём-то мирно беседовали.

— Так, мелкотня, а ну-ка быстро вернули награбленное, — произнёс Патасий, выйдя из-за угла.

Разговор смолк, а вместо этого до него донеслись ехидные смешки.

— А то чё? Как мама-коза, забодаешь? — не поднимаясь со своего места, протянул сидящий ближе всех к нему чертенёнок и состроил рожу, выставив два пальца вперёд.

Остальная компания отозвалась громким смехом.

— Хвост накручу!

— Напугал, тоже мне крутильщик.

— Ты вообще кто такой? — спросил сидящий по центру чертенёнок. Самый крупный и, судя по взглядам, которыми наградило его окружение, главный в этой компании.

— Патасий. Из ада.

— Ада нет, — неожиданно громко прокричал заводила. Остальная компания зашумела в его поддержку.

— Вас туда просто пока не взяли. Рогами и копытами не доросли.

— Да чем мы в твоём аду не видели? Скука, жара и плановые отчёты? — вступился за своего главного сидящий справа от него худосочный чертенёнок. Из-под капюшона торчал только длинный нос, и определить пол говорившего Патасий не смог ни по фигуре, ни по голосу.

Патасий расплылся в самодовольной улыбке, вспомнив, как лет триста назад так же бунтовал против всякой иерархии:

— А что, лучше вот так всю жизнь посреди кучи мусора? Мы хотя бы делом заняты.

— Делом? — усмехнулся главный и достал из кармана знакомый Патасию листочек. — За бумажками бегаете?

— Да хоть бы, — чёрт было сделал шаг вперёд, но компания резко напряглась, и ему пришлось вернуться на исходные.

— Тогда мы, считай, ещё большим делом заняты. Больше гадостей, богу гадостей!

— Точно! Ни дня без зла! — заверещали чертенята так, что у Патасия закатились глаза от накатившей боли. Умеет же молодёжь бесить на ровном месте.

— Отдай бумагу! — заорал чёрт, теряя терпение.

Кажется, именно этого чертенята и ждали. Резко повскакивав с мест, они закружились вокруг него в хороводе, повторяя одно и то же слово:

— Забери, забери, забери!

Патасий наугад сунул руку и попытался выщепить хоть одного из чертят, но пальцы схватили лишь воздух. Чертенята с визгом разбежались в разные стороны. Он, приметив главного, ринулся за ним.

Преследование было скоростным и эффектным. Особенно его завершение, когда Патасий растянулся плашмя в уже знакомом дворике из-за столь предательски подставленной подножки.

Когда он вскочил и огляделся, то увидел перед собой лишь кусочек заветного листка с опалённым краем. На нём любовно выведенным домовым подчерком было написано всего одно слово: «Был».

— Всё спешите, бежите, — произнёс благообразный старик в сером летнем костюме, что сидел на лавочке у подъезда.

Патасий не нашёл что ответить.

— И это правильно, с одной стороны, молодость даётся нам для энергичного познания мира вокруг. С другой — если мы пожаром пролетаем по жизни, то не слишком ли много упускаем? Вот возьмите хоть, например, цветение вон того цветка, вечно забываю, как он называется.

— Вроде рододендрон, — сказал наугад Патасий.

— Похож, — согласился старик и поправил очки. — Так вот, о чём это я?

— О чём? — Патасий сунул в карман пиджака остатки

бумажки и подошёл ближе.

— О том, что жизнь прекрасна во всём её тихом многообразии. А мы это упускаем в попытке угнаться за недостижимым, сиюминутным…

Чёрт хмыкнул:

— А вы философ.

— Был. Сейчас на пенсии.

Патасий присмотрелся к старичку, прикидывая, сколько тому может быть лет.

— Простите, а вы давно в этом доме живёте?

— Всю жизнь. А что?

— А Поколенческих помните?

Старик улыбнулся. Чёрт принял это за добрый знак и присел поближе на лавочку.

— Конечно. Анна Ильинична, Дмитрий Степанович, дочка у них… как её… Настенька. И сынок… Так как же его… — старик покрутил головой, словно надеясь прочесть на асфальте имя.

— Ага, точно…

— Сынок у них был. Тоже вечно бегал-бегал. Правда, хорошо бегал. Даже с моим шалопаем в один спортивный лагерь попал. Смены три вместе отъездили.

Патасий ещё раз взглянул на цветок, подметив, по правде, его красивое цветение.

— Значит, лагерь. А что, не знаете, как там успехи были?

Старичок подумал:

— Вроде какие-то медали привозили. Точно, во дворе потом всё лето хвалились ими.

Чёрт распрямил плечи и, улыбнувшись, спросил:

— А как тот лагерь назывался, не подскажете?

— Да такое название простое… ну вот, — он щёлкнул пальцами. — На языке крутится. То ли Волшебный, то ли… А точно, Сказочный.

Патасий ещё больше обрадовался:

— Сказочный — это хорошо, сказочный — это по-нашему.

Глава 5. Дело принципа

Промучившись всю ночь на жёсткой койке в хостеле, Патасий смог заснуть только под утро. Ему приснился сон, как он изо всех сил убегает от охотящегося на него Игнатия. Чёрт пытался скрыться, перебегая из двора во двор, прячась за детскими горками, а хохочущий херувим раз за разом поражал его из колчанного лука. Стрелами выступали свёрнутые в виде папируса законы, прецеденты и выдержки из горящих речей правоведов прошлого. Последние почему-то жалили особенно больно.

Стряхнув с себя остатки прилипчивой сонливости, он обнаружил, что всю ночь так и прижимал к себе худосочную розовую папку с делом своего подопечного. Провёл ладонью по волосам в попытке их хоть как-то разгладить. Волосы через секунду вернулись в своё естественное чуть взвинченное состояние.

После душа и стакана холодной воды из стоящего в коридоре кулера чёрт почувствовал себя почти хорошо. И решил заняться делами, разложив добытые за вчерашний день сокровища на кровати.

— Мда, — пробормотал он, глядя на три смятые бумажки. — Не густо.

Более точного комментария к ситуации не подобрал бы ни один оратор.

— Итак, что мы имеем? — задавая риторический вопрос, он предпринял попытки разгладить листки. — Поколенческий у нас — вежливый, громкий и был. Вот и понимай, ваше Светящество, как знаешь. Ну ладно, ещё слезинку можно выдать за безутешную скорбь дорогого человека. Хотя вряд ли он вообще ту булочницу вспомнит?

Почёсываяначащую пробиваться щетину, Патасий внимательно изучал доказательства и решал, стоит ли бриться. В итоге, придя к выводу, что щетина придаёт ему солидности, взглянул на часы и понял, что уже полчаса как опаздывает.

К залу заседания он подлетал небритый и голодный. У двери уже околачивался щеголеватый Игнатий. В идеальном до скрежета зубов синем костюме и галстуке. Завидя Патасия, херувим помахал ему рукой и улыбнулся.

— А ты чего тут? — чёрт решил обойтись без приветствий.

— Да вот, пока не пускают. Я минут за пятнадцать пришёл, а зал закрыт. Стучал — тихо.

Патасий закатил глаза и, прошагав к двери, тоже два раза в неё стукнул. Из зала не донеслось ни звука.

— Ну вот, я же говорил, — расплылся в ещё более бесящей улыбке херувим. — Кстати, как у тебя с доказательствами? Нашёл чего?

Чёрт зыркнул на Игнатия и покрепче прижал розовую папку к груди.

— Нашёл. Но всё в рамках заседания.

— До сих пор не понимаю, что ты с ним так возишься. Там по первым пятидесяти листам можно делать выводы.

— И какие? — протянул чёрт и, прищурившись, посмотрел на Игнатия.

Херувим поджал губы и откашлялся. Похоже, оценил остроту ситуации и решил не судить ближнего. Тем более за порогом зала заседания. Патасий слышал, что у них за такое могут довольно строго спросить. Вплоть до неполного служебного соответствия. А возвращаться и соединять судьбы влюблённых школьников… В итоге Игнатий стратегически промолчал.

Это отчего-то взбесило Патасия ещё больше. Ну уж нет, теперь это дело принципа. Он заставит вот этого с гладкой кладкой и начищенными до блеска туфлями забрать Поколенческого с собой. И пусть потом там со своим начальством разбирается, как после пятидесяти листов и выводов суд разрешил товарищу почивать на облачке. Принцип!

В этот момент дверь скрипнула и приоткрылась. Патасий уже был готов первым забежать в зал, но появившаяся в проёме стенографистка встала стеной.

— Заседание откладывается. На три дня!

— В смысле? — почти синхронно протянули херувим и Патасий.

— Их Светящество на совещании выше. — Она едва заметно показала взглядом на потолок.

Патасий машинально посмотрел на отделку пластиковы-

ми панелями и тихонько присвистнул.

Выйдя из здания суда, чёрт повертел головой. План, точнее его основные направления, были понятны. Вот только…

— Игнатий, позвонить не найдётся? — крикнул он в спину удаляющемуся херувиму.

Тот остановился и с видимым нежеланием развернулся.

— Игнатий я, — сказал он, доставая из внутреннего кармана пиджака телефон.

Примерно такой же кнопочный лежал сейчас в кармане у Патасия. Но поскольку к вопросу использования устройств, требующих периодической зарядки от электросети, чёрт относился стоически — проработают сколько смогут, — то его личный мобильник был сейчас бесполезен.

— Так… как там… Ага, — тыкая кнопки, бормотал Патасий. — Алло, Света? Света, ты меня слышишь?! Точно?! Да перестаю я орать, всё-всё, не ругайся.

До херувима донеслись фразы, которыми абонент на другом конце провода характеризовал чёрта, и он резко поморщился. Скорее всего, после этого выбросит аппарат с мелким ехидным наслаждением, подумал Патасий, а сам произнёс в трубку:

— Света, я приглашаю тебя на прогулку! Да, подышать свежим воздухом! Нет, всё более чем прилично. Речка, благоустроенный берег, закат. Форма одежды… эм, праздничная. Только без каблуков, нам это много осмотреть нужно. Да, да, красивых мест. Нет, там и пообедаем. Да сто процен-

тов ресторан приличный имеется. Встречаемся на нашем месте через час. Пока!

Довольный чёрт нажал кнопку отбой и протянул Игнатию телефон. Херувим громко вздохнул и забрал мобильный двумя пальцами.

— Вот спасибочки, выручил, так выручил. Ну, а теперь бывай, коллега!

— До свидания… коллега! — произнёс Игнатий и в этот же момент яркой звёздочкой воспарил в небеса.

Патасию до такого способа перемещения было ещё минимум полтора века безукоризненной службы.

— Да чтоб я ещё раз с тобой да без подробностей! — раскачиваясь на заднем сидении междугороднего автобуса, злилась Светлана.

— А что? — Патасий, нависавший над ней, покрепче вцепился в жёлтый поручень. — Всё, как обещал: природа, погода, свежий воздух!

— Мы едем в детский лагерь, а ты обещал — ресторан!

Автобус качнуло, и в бок Патасия въехала ручка тяпки, едущая у сидящей через проход женщины на коленях. Вместе с таким безумным количеством побегов яблони, что чёрту невольно захотелось компота.

— Ну может, там есть!

— Там картошка мятая и котлета на пару! — придерживая полы аккуратной плетёной шляпки, заявила ведьма.

Патасий вздохнул. От котлетки с пюре он бы сейчас дей-

ствительно не отказался.

— Свет, ну мы быстро. Воздухом подышим!

Ведьма отвернулась от него, уставившись в окно. Автобус как раз проезжал бензоколонку.

Ехать пришлось около двух часов. За это время Света не произнесла ни одного слова, лишь сидела, поджав губы, изредка поглядывая на проносящиеся мимо СНТ. Патасий всё пытался припомнить, имеется ли в ведьминском арсенале молчаливое проклятие, да периодически уворачивался от так и норовившей воткнуться ему в ребро тяпки. Наконец садовый инвентарь вышел вместе с хозяйкой на одной из бесчисленных остановок, напоследок задев Патасия за ухо.

Чёрт облегчённо вздохнул. Следующей по маршруту значился их пункт назначения — детский лагерь «Сказочный».

Выгрузившись из поскрипывающего автобуса, Патасий огляделся.

Стоявшая рядом Светлана расправляла бахрому на своём белом платьишке, всё ещё демонстрируя всем своим видом правило: не приближайся, прибьёт! А вокруг была красота.

Так коротко и прицельно ясно описывают состояние летней природы засидевшиеся в городе люди. Отъехавший от остановки автобус открыл перед ними вид на колышущийся за забором лагеря сосновый лес. Позади них был точно такой же, только без ограждения. И более дикий. Деловито жужжали какие-то насекомые. Мимо Патасия медленно, сверкая крыльями, проплыла стрекоза. В глубине леса перекрикива-

лись какие-то пташки.

— Ну хорошо же? — спросил чёрт, оглядываясь на свою спутницу.

— С тебя вечером стейк. С кровью. И если тебе повезёт — не твоей, — ответила Светлана, но всё же зашагала к деревянным воротам лагеря.

Показав на посту охраны удостоверение чёрта, она представились журналистами. Полный мужчина в чёрной куртке, стараясь не отвлекаться от матча, идущего на маленьком экране переносного телевизора, быстро внёс их данные в журнал и неопределённо махнул на вопрос, где тут администрация.

— В спортивном лагере все спортивные, — пожал плечами Патасий, и они вместе с ведьмой двинулись по окружённой цветущими клумбами аллее вперёд.

И он не ошибся. Спорт тут был буквально везде. За пару минут, пока они блуждали по территории, в чёрта едва не прилетел футбольный мяч, а толпа школьников, бегущих куда-то явно на время, заставила их стратегически отступить на газон.

Ведьма повертела головой, выискивая хоть какой-то намёк на указатель. Он действительно нашёлся, с массой деревянных, выкрашенных белой краской табличек.

— Так, футбол, волейбол, гимнастика… Эту олимпиаду вообще что ли никто не администрирует? — пробормотала ведьма, хмуро изучая ощетинившийся как ёж столб.

— Почему же, администрация прямо и направо. Сразу за волейбольным полем, — раздалось у них за спиной.

Молодой вожатый в зелёном галстуке и такого же цвета хлопчатобумажной пилотке вежливо им улыбнулся.

— Спасибо! — произнёс Патасий, разглядывая значки, приколотые к его рубашке.

Россыпь звёзд и вымпелов сообщала, что перед ним КМС по плаванию и отличник ГТО.

— Павел, — представился молодой человек.

— Патасий.

— Светлана, — вежливо улыбнулась ведьма.

— Только у нас родительский день в эту субботу. Сейчас ребята готовятся к выступлению, так что за территорию их нельзя забирать, но посидеть-пообщаться можно на любой свободной веранде…

Ведьма покраснела и сделала взмах ладонью.

— Не, нет. Мы не родители. А журналисты. Пишем статью об известных выпускниках вашего лагеря. Вы не застали, но может быть, слышали. В детстве у вас тут отдыхал такой Поколенческий Т. Д. Вот как раз про него нам бы и хотелось узнать.

Патасий заметил, как при упоминании фамилии вожатый опустил глаза и нахмурился. Словно что-то вспоминая. Но в следующее мгновение лицо его приняло прежнее благодушное выражение.

— Нет, к сожалению, такого не знаю. В администрации

вам точно подскажут. Там у них журналы, фотографии за всё время работы. Извините, а мне пора.

— Спасибо и до свидания! — произнесла ведьма.

Как только вожатый скрылся за деревьями, она обернулась к Патасию и негромко произнесла:

— Странный какой-то. И пахнет от него так странно…

— Ты тоже заметила? — округлил глаза чёрт.

Ведьма секунду подумала.

— Показалось, наверное. Ладно, пошли. Чего он там сказал? За волейбольной площадкой.

Искомая действительно обнаружилась буквально через пятьсот метров. На ней как раз был в разгаре матч.

— Иванов, не зевай, ну куда ты пас даёшь? Смотри за траекторией! Семёнов, подсекай, что ты как манекен на параде? — кричал усатый мужчина в красном спортивном костюме. Судя по болтавшемуся на груди свистку — тренер.

Проходя мимо, Светлана как-то придирчиво взглянула на него, но на вопросительный взгляд чёрта лишь помотала головой, предлагая следовать дальше.

Администрация представляла собой одноэтажное здание из белого кирпича. На окнах совсем по-домашнему разместились светлые занавесочки и застенчиво выглядывающие алоэ.

— Ничего, ничего. Второе место тоже почётно, — бормотала светловолосая вожатая в шортах и белой футболке, обнимая за плечо хнычущую девочку лет шести. Девочка лишь

мотала головой и размазывала ладонями по красному лицу песок и слёзы.

Напротив входа в здание разместился почти метровый стенд. Стоящий на двух мощных деревянных ногах, он невольно привлекал внимание. То ли своей основательностью, то ли затейливым узором, что шёл сверху над небольшим козырьком. Вырезанные из дерева силуэты ёлочек и белочек соседствовали с узорчатыми звёздами и схематично изображёнными шишками. Остановившийся рядом с ним Патасий пробежал взглядом по прикреплённым к нему бумагам. Распорядок дня, дальше листок с длинным набором пунктов и заголовком, выведенным большими красными буквами: «Правила». Следом шло расписание мероприятий. По большей части спортивные, но встречалось упоминание кино и поездка на конезавод.

При слове «конезавод» Патасия словно откинуло воспоминанием. Разгорячённые от долгой езды по бескрайней степи всадники, тяжёлое сопение коней. И запах, который ему потом снился очень долго, — смесь мускуса и запёкшейся на жаре крови.

— Пошли давай, а то сейчас и администрация на обед разбежится, — прошипела ведьма и белым мотыльком скрылась в здании.

Патасий хмыкнул и поспешил за ней. Разбегаться оказалось особо и некому. Все четыре выходящие в длинный коридор двери были закрыты. Оставалась призрачная надежда

на самую дальнюю. Чёрт шёл, разглядывая увешанные фотографиями в тёмных рамках стены. Это по сути была история «Сказочного». Запечатлённая сначала на требующую проявки чёрно-белую плёнку, ближе к концу коридора она потихоньку начала обретать цвета.

Композиция разнообразием не отличалась. На всех фото общая фотография отрядов. Уместившиеся на трёх или четырёх рядах дети внимательно смотрят в камеру. По бокам стоят взрослые — скорее всего, вожатые.

Ведьма окинула взглядом ряды фотографий и ехидно произнесла:

— Будешь своего Поколенческого искать на фотках?

— Чего это он мой?

— Ну, а как же… Ты же его вопреки логике и адским предписаниям спасать собираешься.

— Я не спасать, — запнулся Патасий. — Пошли давай.

Ведьма хихикнула и постучала в дверь. За ней раздался высокий женский голос:

— Да, да, войдите, открыто.

Они прошли в просторный кабинет. За столом спиной к открытому окну с колышущейся на ветру занавеской сидела женщина лет шестидесяти. Одета она была в синюю блузку с коротким рукавом.

— Слушаю вас, — поочерёдно изучив ведьму и чёрта, сказала она.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна, — залилась соловьём

Светлана, присаживаясь на один из гостевых стульев. — А мы из газеты.

— Из какой? — удивлённо произнесла директриса. — Со мной вроде не связывались.

Женщина поправила кончиком ручки слетевший на лоб крашеный в тёмно-коричневый локон и уставилась на визитёров.

— «Спортивная реакция», — бодро, как и требуется корреспонденту газеты с таким названием, протараторил Патасий. — Пишем про выдающихся выпускников вашего спортивного лагеря.

Директриса тут же расплылась в довольной улыбке.

— А вы про Женечку Шурина?

— Нет, — улыбнулась Светлана.

— Про Стаса Фатеева?

Ведьма с той же улыбкой отрицательно покачала головой. Тут уже директриса призадумалась.

— Неужели Таня Игнатова всё же мастера спорта взяла? А я всегда говорила: талантливая девочка, только дисциплины не хватает.

— И не про Игнатову, — усаживаясь на стул рядом с ведьмой, произнёс Патасий. — Может, вспомните, был у вас такой Поколенческий.

Директриса захлопала глазами.

— Кто?

— Ну Поколенческий. Фамилия ещё такая приметная.

Татьяна Ивановна повертела в руках ручку, переведя взгляд на вытянувшийся во всю длину стены справа книжный шкаф. Он под завязку был забит широкими канцелярскими папками.

— Так, а это какие смены?

— Да лет ээ… сорок назад, наверное, — неуверенно проговорил Патасий.

— Минуточку.

Директриса энергично отодвинула своё кресло и прошла к шкафу. Патасий и ведьма замерли.

— Так, я уже тут работала. Представляете, как в восемнадцать пришла. Не сразу, конечно, директором, — проводя ладонью по книжным полкам, рассказывала Татьяна Ивановна. — Сначала помощником тренера. А потом ступень за ступенью. Так, вот нашлось… Нужная папочка. Сейчас посмотрим, что у вас там за Поколенческий есть.

— Был, — машинально поправил Патасий, но директриса не обратила внимания на его замечание.

Она положила пухлый том перед ними и принялась листать. Мелькали фамилии и имена, даже фотографии с награждений и спортивных забегов.

— А он точно у нас был? Вы ничего не путаете? — опустив последнюю страницу, спросила женщина.

— Точно. Может, у вас пожар был или недоучёт?

Татьяна Ивановна помотала перед лицом чёрта указательным пальцем.

— Но, но. У нас с этим строго. И никаких пожаров. Всё по инструкции.

Она лег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.